

ГОРЬКИЙ — С. Т. ГРИГОРЬЕВ

Сергей Тимофеевич *Григорьев* (1875—1953) начал свою литературную деятельность в Самаре, напечатав в 1899 г. рассказ «Нюта» в «Самарской газете». До революции много работал как журналист под псевдонимами: С. Патрашкин, С. Новодумский, С. Певцов и др. Широкую известность приобрел в двадцатые годы своими рассказами и повестями для детей: «С мешком за смертью», «Красный бакен», «Амба-полосатый», «Мальчий бунт», «Берко-кантонист» и др.

В письме к Павлу Низовому от 22 февраля 1925 г. Горький писал: «...скажите, что такое романы: Клычкова „Сахарный немец“ и Григорьева „Васса“? Не пришлют ли их мне товарищи авторы?» (АГ).

26 марта 1925 г. С. Т. Григорьев направил Горькому в Сорренто рассказ «Васса». С этого момента началось заочное знакомство Григорьева с Горьким. Переписка их продолжалась до мая 1933 г.

В повести «Кругосветка» (М., 1946) Григорьев рассказал об экскурсии по Волге, устроенной Горьким для самарских ребят в 1895 г.

Ниже публикуется восемь писем Горького к Григорьеву и десять писем Григорьева к Горькому.

Из печатающихся писем Горького — два письма (от 15 марта и 8 июля 1926 г.) — были частично опубликованы Григорьевым в журнале «Детская литература», 1939, № 5, стр. 20—22.

1

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев⟩. У Троицы. 26 марта 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

П. Низовой¹ сообщил мне, что вы желаете познакомиться с моей «Вассой». Попутно с этим письмом посылаю вам рассказ, напечатанный в альманахе К⟨нигоиздательств⟩ва писателей². В этом альманахе «Васса» подверглась меньшим искажениям, чем в отдельном издании «Круга»³. Я люблю «Вассу» любовью матери к ребенку-уроду. Поэтому ваше желание прочесть рассказ обрадовало меня неожиданной лаской.

Уважающий вас

Сергей Григорьев

Адрес: г. Сергиев, Московской губ⟨ернии⟩, Московская улица, дом Палкина, Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

¹ П. Низовой (псевдоним Павла Георгиевича *Тупикова*, 1882—1940) — писатель.

² С. Григорьев. Васса.— «Московский альманах книгоизд-ва писателей». 1923.

³ С. Григорьев. Васса. М.— Пг., «Круг», 1923.

2

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Сорренто. 9 апреля 1925 г.⟩

Сердечно благодарю вас, Сергей Тимофеевич, за вашу любезность, очень тронувшую меня.

Но «Вассу» я знаю и ценю рассказ этот, как вещь не только оригинальную ⟨но⟩ и смелую.

Я писал Низовому, — со слов А. Соболя¹, — о романе, вами написанном, и, кажется, уже где-то напечатанном². Соболю не мог сказать — где. Правда ли, что вы написали роман? Работа ваша глубоко интересует меня, и вы можете верить, что это именно интерес литератора, а не любопытство читателя.

Извините мне хлопоты, причиненные вам. Зная, как трудно живется сейчас в России, всем сердцем желаю вам бодрости духа.

А. Пешков

9.IV.25. Sorrento — Capri

¹ Андрей Соболю (Юлий Михайлович Соболю, 1888—1926).

В феврале 1925 г. Соболю был у Горького в Сорренто, о чем Горький сообщал в письме к Д. А. Лутохину от 23 февраля: «Приехал Андрей Соболю, рассказывает о литераторах, о „быте“» (АГ).

² По-видимому, речь идет о письме к П. Низовому от 22 февраля 1925 г. (см. вступительную заметку).

3

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 3 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

Благодарю вас за привет и ласку: письмо ваше я получил к светлому празднику.

Романа я не написал.

Ваше внимание к моей работе обязывает меня доложить вам о ней подробно. У меня есть несколько ненапечатанных повестей, но ни одна из них не может сойти за роман. Кроме этих повестей для «больших», я написал две повести для детей. Обе они выйдут в июне м⟨еся⟩це*, и я непременно вам их пришлю. Одна из повестей этих: «Мальчий бунт»¹ — о стачке морозовских ткачей в 1885 г., вторая: «Тайна Ани Гай»² есть продолжение моей повести «С мешком за смертью»³, только побольше ее — но это тоже не роман: если мне бы удалось написать о судьбе этой девчонки еще три книги (как хочется), то, пожалуй, получился бы составной роман из этих пяти повестей.

Главной же темой неотступных размышлений и душевного томления служит для меня, вот уже более трех лет, поэма «Страшный суд»⁴.

Мои литературные друзья, зная об этой моей работе, окрестили ее по своему: «Суд революции над русской церковью».

Это вольный перевод. На самом деле я поставил себе тему более широкою; но все, что пытаюсь делать, гнется, мнется и ломается под тяжестью заглавия.

Услышать от вас пожелание бодрости духа было для меня тревожной радостью. Но скажу: ведь в России всегда было трудно. Это трудная зем-

* В Государственном изд⟨ательстве⟩ ⟨прим. Григорьева.— Ред.⟩.

ля. Теперь не труднее, чем в другие времена. А в некоторых смыслах, мне, по крайней мере, и легче.

Сергей Григорьев

Адрес: г. Сергиев, Московск<ой> губ<ернии>, Московская улица, д. Палкина, Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

¹ С. Григорьев. Мальчий бунт. М.— Л., Госиздат, 1925.

² С. Григорьев. Тайна Ани Гай. М.— Л., Госиздат, 1925.

³ С. Григорьев. С мешком за смертью. М.— Л., «ЗиФ», 1924.

⁴ Замысел поэмы «Страшный суд» не был осуществлен.

4

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

(Сорренто.) 15.V.25

Спасибо за письмо, Сергей Тимофеевич!

Рад был узнать, что повесть «С мешком за смертью» будет иметь продолжение, это очень хорошая вещь, ваша повесть. Наверное, скоро перевод ее будет напечатан в журнале «*Russia* Lo Gatto»¹, где уже напечатаны вещи Лунца, стихи Есенина, «Виктория Казимировна» Зоценко, Леонов, Бабель и еще многие из молодых.

Хорошо вы сказали, что Россия — «трудная земля». Вот тема для большой книги: «Трудная земля!» Особенно трудная в эти дни, когда мы переживаем нечто, текущее вне всяких возможных аналогий с нашим прошлым.

Позвольте сказать вам, что меня очень радостно взволновал бодрый тон вашего письма. Мне, старику, уже тревожно за вас, за ваш рост: знаю, что не мало горькой пыли приходится глотать вам, не столь, пожалуй, «притерпевшимся», как наше поколение. И, в частности, вам лично, чей талант я, кажется, не плохо чувствую.

Буду очень благодарен вам, когда получите ваши новые книги. А пока — крепко жму руку и желаю всего доброго.

А. Пешков

¹ Этторе Ло Гатто (р. 1890) — профессор русского языка и русской литературы Римского университета, автор многотомной истории русской литературы («*Storia della letteratura russa*»). Ло Гатто перевел на итальянский язык произведения А. С. Пушкина, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. П. Чехова, М. Горького. В двадцатых годах переводил произведения советских писателей: А. Блока, Л. Леонова, Л. Сейфуллиной, Вс. Иванова, М. Зоценко, Л. Лунца, М. Слонимского, И. Бабеля и др.

Ло Гатто был редактором итальянского журнала «Россия» («*Russia*»), выходившего с 1920 по 1926 г. в Риме. Повесть Григорьева в журнале напечатана не была.

5

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 25 сентября 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

посылаю вам свою новую повесть «Тайна Ани Гай». Это и есть продолжение читанной вами повести «С мешком за смертью», о котором я писал прошлой весной. Книга вышла в детской библиотеке ГИЗа, но так как пока еще меня никто (разве вы?) не признает взрослым писателем, то большой беды в этом нет? В вас я нашел читателя, для меня неоценимо дорогого, и потому считаю обязательным сообщить, что в 4-м сборнике «Круга»¹

напечатана моя повесть «Казарма», в очень урезанном, правда, виде. В полном виде она назначалась для младенцев в политике, какими явились мы, русские люди, перед всем светом в революции нашей.

Примите мой сердечный привет.

Сергей Григорьев

Сергиев, Моск(овской) губ(ернии).

Московская ул., д. Палкина.

¹ Альманах артели писателей «Круг», № IV, М.—Л., изд. «Круг», 1925.

6

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

〈Сорренто.〉 11—X—25.

Дорогой С. Григорьев,

«Казарму» я, разумеется, читал. Это — отличная вещь. Она глубоко волнует. И умело, оригинально — как и требовала тема — написана вами. Поверьте, что это — так и что это не только мое мнение, но и многих, окружающих меня людей, читателей с очень капризными и требовательными вкусами. В «Казарме» чувствуются зияния, но, как я и думал, это не по вине автора.

От «Вассы» через «С мешком» до «Казармы» — диапазон широкий. Это меня радует, ибо вас, очевидно, хватит надолго и на многое.

«Аня Гай» тоже хорошо, но тут вы, конечно, не станете ждать от меня сильных похвал? В «Тайне» Ани прежде всего — нет тайны. Затем я смущен чем-то, похожим на торопливость, с которой написана эта книга. Вы, оказывается, не мало уже написали «для детей». Это — из любви к ним? Вы мне извините этот вопрос, очень естественный в наше время, когда многие принуждены писать для того, чтоб жить.

У вас в «Тайне» и в «С мешком» очень хороши — легки и просты — диалоги. Четко сделан мальчик-персианин, но в конце вы как-то забыли о нем. Жаль.

Я бы хотел прочесть все ваши книги «для детей» и, право, не только потому, что вы «интересный» писатель, а потому, что хочется знать вас. И такое предчувствие: вы, судя по «Казарме», должны написать нечто потрясающе сильное.

Простите за многословие. Сердечно желаю вам бодрости духа. Будьте здоровы.

А. Пешков

Р. S. Что вы пишете? Мне кажется, вы могли бы очень оригинально, очень насыщенно писать о женщинах.

А. П.

Sorrento.

Р. P. S. Сообщите ваше отчество.

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 24 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Ваше последнее письмо меня взволновало. Не похвалами, сколько ни приятно мне слышать их о «Казарме» — ее здесь обходят полным молчанием. Радостна мне и ваша забота, не повредил бы я себе, работая на слух, хотя я не вижу ни малой седы писать ради хлеба — мы ведь, подобно попам, «от алтаря питаемся». Меня взволновало то, что письмо ваше писано или в нездоровье или же в душевной занятости — и все-таки нашлось время и внимание для меня. Благодарю крепко и сердечно желаю вам душевной тишины.

Посылаю вам, Алексей Максимович, пять моих детских книжек — с «Мальчи́м бунтом», посланным раньше, это почти всё, написанное мною «для детей». В «Опасной кругосветке»¹ надо исправить: не *Горка*, а «Красная Глинка» (наверное, и вам знакомое место под Самарой).

Вы спрашиваете, что я пишу? Сейчас я пишу не о женщинах (господь с ними!), а о паровозе² для лиц, окончивших свое образование на *первой* ступени. Здесь трагедия. Главный Ученый Совет (ГУС) желает иметь для «первой ступени» книжки, которые были бы вполне *научны*. А говорить о паровозе, значит объяснять самые тонкие и трудные проблемы *термодинамики*. А кроме того, еще надо считаться с тем, что большинство наших рецензентов — обскуранты и требуют, чтобы автор равнялся по ним. Все это делает работу увлекательно трудной. Что там о женщинах! И «потрясающе сильное»? Ты вот напиши о паровозе и чтобы не потрясло ГУС! Вот я и пишу. Вы спрашиваете, Алексей Максимович, люблю ли я детей (пишу для них) — вот о паровозе пишу, потому что люблю его*.

В «Тайне Ани Гай» — осмеливаюсь возразить, есть тайна. Но ваши замечания признаю правильными — написано смаху. Что делать — от алтаря кормимся!

Отца моего звали Тимофеем.

Надеюсь, Алексей Максимович, получить ваш отзыв о «Мальчи́ем бунте» — вещь, к которой автор питает слабость.

Шлю вам сердечный и почтительный привет.

Сергей Григорьев

¹ С. Григорьев. Опасная кругосветка. Рассказ напечатан в сборнике для детей и юношества «Кругосвет», сост. Г. Гильгендорф, М.—Л., Госиздат, 1925, стр. 4—13.

² С. Григорьев. Паровоз. М.—Л., Госиздат, 1926.

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

⟨Сорренто. 10 ноября 1925 г.⟩

Вообще, Сергей Тимофеевич, вы пишете «детские» книжки — на мой взгляд — довольно искусно, как бы с некоторой аглицкой ухваткой, напоминая местами хорошего старого писателя Гринвуда¹. Но, разумеется, у вас всё — и фабула и диалог — упрощеннее, примитивней; примитивизм — понятен: все мы более или менее покорствуем фактам. А Бальзак говорил: «Глупо, как факт»². Лично я никогда не любил фактов и с величайшим удовольствием искажал их.

* Детей тоже люблю терзающей любовью. А паровоз спокойно, вот как у Грига — «Ich liebe dich». ⟨прим. Григорьева. — *Ред.*⟩

«Мальчий бунт» — интересно сделано, но тут я всячески смущен некоторой путаницей. Это — что? Морозовская стачка 86? ³ Не похоже. Главное же, что меня весьма смутило, — имя Саввы Морозова ⁴. Это — мой друг; я был с ним «на ты», чего вообще не позволяю себе. Это был очень умный и несчастный человек. Он давал 24 тыс(ячи) в год на издание «Искры» ⁵, прятал у себя Баумана ⁶, возил на свою фабрику чемоданы с(оциал)-д(емократической) литературы и т. д. Родственники травили его. Нанимали мальчишек бить стекла в помещении, где он останавливался, приезжая на фабрику. Застрелился он из страха сойти с ума. Вот каков был он. Леонид Красин ⁷ служил у него на фабрике, будучи членом ЦК большевиков, Савва это знал. Знал он и брата Ленина — Дмитрия ⁸. Так-то.

И вот, у вас я встречаю что-то непонятное мне. В чем дело?

Простите, что кончаю письмо, сердечный припадок, должен лечь в постель. Привет.

А. П.

10.XI.25 г.

¹ Джемс Гринвуд (1833—1929) — английский писатель, автор популярной в России книги «Маленький оборвыш» (1866). Первой переводчицей Гринвуда на русский язык была Марко Вовчок (М. Маркевич). В ее изложении книга Гринвуда вышла в 1868 г. С тех пор «Маленький оборвыш» выдержал более 30 изданий и стал классическим произведением детской литературы. После Великой Октябрьской революции книга неоднократно издавалась в пересказе Т. Богданович и К. Чуковского. Иначе сложилась судьба Гринвуда на родине. В Англии он был забыт еще при жизни.

Горький познакомился с «Маленьким оборвышем» еще в детстве. Книга Гринвуда произвела на него большое впечатление. Об этом он рассказал в повести «В людях». Позднее Горький неоднократно рекомендовал печатать для детей книгу Гринвуда «Маленький оборвыш».

² О. Б а л ь з а к. Шагреневая кожа.— Сочинения, т. 13. М., Гослитиздат, 1955, стр. 207.

³ Описка Горького. Морозовская стачка на текстильной фабрике товарищества Никольской мануфактуры «Саввы Морозова — сына и К^о» в Никольском, Владимирской губернии, происходила 7—14 января 1885 г.

⁴ Савва Тимофеевич Морозов (1862—1905) — крупный капиталист, владелец текстильных фабрик, меценат, принимавший деятельное участие в организации МХАТ (см. письма 9 и 10).

⁵ «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, организованная В. И. Лениным за границей в 1900 г.

⁶ Николай Эрнестович Бауман (1873—1905) — большевик, один из руководителей Московского комитета РСДРП в период 1903—1905 гг.

⁷ Леонид Борисович Красин (1870—1926) — с девятилетних годов участник революционного движения, выдающийся советский государственный деятель.

⁸ Дмитрий Ильич Ульянов (1874—1943) — старейший деятель большевистской партии.

9

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 19 ноября 1925 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Сейчас мне принесли с почты ваше письмо — я был ему несказанно рад, а потом жестоко встревожен — сердечный припадок! Не знаю, что и писать: вам может показаться детскостью — что я подумал: лучше бы мне не посылать вам своих книжек — так как я знаю, что, конечно, у вас много причин волноваться — и боюсь, что прибавил лишний толчок вашему сердцу. Простите меня, если я виноват.

О Морозовской стачке. Это было верно, как вы пишете, в 85 году. Но ваше письмо меня сбивает с толку. Ведь хозяином фабрики «Никольская мануфактура» в 1885 году был «Саввы Морозова сын (и К^о)» Тимофей Саввич Морозов. В 1885 г. Тимофей Саввич был уже глубоким стариком.

С. Т. ГРИГОРЬЕВ

Фотография с автографической подписью писателя, 1925 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, Москва

Сергей Григорьев

1925. 20. X

Январское движение 1885 года так на него повлияло, что он, прибыв на Ник(ольскую) ман(уфактуру), телеграммой вызвал в Орехово сына своего Савву Тимофеевича, которому тут же и передал всё. Савва Тимофеевич и улаживал дело с рабочими. По-моему выходит так, что вы, Алексей Максимович, знали, именно, Савву Тимофеевича Морозова, *мецената*, а в «Мальчьем бунте» действует его отец*, с которым вы и по возрасту не могли быть близки: ведь всё это было сорок лет тому назад. Если я не путаю, то так:

Савва Морозов — основатель фирмы (сущ(ествовала) с 1833 года)¹, а фабрика началась еще в 1797 г.!!

Тимофей Саввич Морозов — т. е. Саввы Морозова сын — стачка 1885 г.

Савва Тимофеевич Морозов — эпоха 1905 г. О нем и Витте в своих записках пишет².

Хорошо бы написать книжку для детей и о Савве Тим(офеевиче) Морозове — по 1905 году — «У текстильщиков»; и об основателе фабрики Савве Морозове (ведь это эпоха около декабристов и Пушкина!). Получилось бы занятно: Н(иколай) I, А(лександр) III, Н(иколай) II. Но мне это не по плечу.

И еще такая комбинация — Морозов + Витте + Ленин + Красин + Д. Ульянов + М. Горький (всё ведь это одна эпоха).

Простите, что я так поспешно встал на защиту факта, и позвольте процитировать тут же вас: «Лично я никогда не любил фактов и с величайшим удовольствием искажал их» (письмо 11.XI 1925 Сорренто)³.

Не сердитесь на меня, Алексей Максимович, за мой задор.

* Это ясно на стр. 172 моей повести.

Поверьте, что мое сердце сейчас бьется тревогой за вас. Желая вам душевного покоя! Бросили бы вы эту Италию (хоть она, наверно, хороша?) да пожили у нас, у Троицы. Тишина. Снег. Елки. И кости Преподобного, перебутыренные, но все-таки покоятся в гробу. Музей, а не жизнь — одно слово!

До свидания!

Сергей Григорьев

P. S. Не находите ли вы, что миллионер, везущий на свою фабрику чемодан с прокламациями (зная!) большевиков, фигура трагическая. Прямо непонятно! Сказать «трагикомическая» нельзя. Вот бы Максиму Горькому и написать, что он видел около себя *такого*.

¹ По-видимому, у Григорьева описка: фирма Морозовых существовала с 1803 г.

² Сергей Юльевич *Vitte* (1849—1915), министр финансов, председатель Совета министров в 1905—1906 гг., автор манифеста 17 октября 1905 г.

«Воспоминания» Витте изданы были посмертно в трех томах: Берлин, «Слово», 1922—1923; М.—Пг., Гослитиздат, 1923—1924; М., Соцэкгиз, 1960.

О С. Т. Морозове см. последнее издание, т. 2, стр. 487, 551—552; т. 3, стр. 82, 167.

³ Дату письма Григорьев, очевидно, взял со штампа на конверте.

10

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

(Неаполь. 3 декабря 1925 г.)

Дорогой Сергей Тимофеевич,

сердечный припадок оттого, что сердце изнашивается, устало, а вы пишете об этом так, как будто сочли себя виновным в печальной усталости сердца моего. Да еще говорите: «Простите меня, если я виноват». В чем это? Литература для меня — живая вода сказок, и новую книгу я встречаю с радостью большей, с интересом более острым, чем нового человека. Вероятно — так. А после «Казармы» у меня к вам большое чувство душевного доверия и уверенности, что вы дадите какую-то необыкновенно своеобразную книгу. Эту уверенность подтверждает и «Васса». Диапазон таланта у вас широкий.

О Савве я, конечно, напутал¹, — я или вы? Мы смешали внука с дедом. Вы пишете: «Вот бы вам написать такого». Написал, но — неудачно и потерял рукопись². В ней, между прочим, изображалось, как Савва 9 января отворял дверь моей квартиры в Петербурге с револьвером в руках, уверенный, что ему придется защищать меня от каких-то «врагов», а может быть, и от Гапона, которого он уже тогда понимал как авантюриста и провокатора. Гапона, когда он прибежал ко мне, Савва встретил с презрением убийственным. Да. Но «таких» было у нас не мало. К ним принадлежит пермский пароходовладелец Ник. Мешков³, ташкентский полицеймейстер — большевик Наливкин⁴, кутаисский губернатор Старосельский⁵, кажется, — затем большевик, князь Кугушев⁶ и много иных. Отнесите сюда же и рюриковича Петра Кропоткина, да и Михаилу Бакунину место тут же. С точки зрения марксовой у всех этих людей «мозги набекрень», но для меня это — настоящие красавцы и праведники, не смотря на все их прегрешения и недостатки. «Продукты» неисчерпаемой равнинной русской тоски о чем-то, о каких-то высотах.

В «Мальчьем бунте» рассказывается о Грегере, поставщике на армию в годы балканской войны. Поставщиков было трое: Грегер, Горвиц, Коган⁷. Все они судились и осуждены, но Горвица Александр III признал несправедливо осужденным, приговор был отменен, Горвицу предложена компенсация — звание барона, Горвиц отказался и до конца жизни проживал в имении своем Полтавской губ(ернии) уединенно и мизантропи-

чески. Боюсь, что не 3-й, а 2-й Александр извинялся пред ним, собственноручно написав ему письмо. Горвиц был, как говорили люди, знавшие его, человек честный и тоже своеобразный, в типе вышеназванных.

Простите, что наболтал, и не принимайте это за «поправки». Нет, просто хочется, чтоб еще и вы знали нечто о людях, мне знакомых.

Болен я, что-то нервное. И — бронхит, обязательный для меня каждую осень. Переехал до апреля в Неаполь.

Адрес: Napoli. Posilippo. Villa Galotti.

Неаполь. Позилиппо. Вилла Галотти.

Мой сердечный привет. Будьте здоровы.

А. Пешков

3.XII.25.

¹ См. письма 6 и 8.

² В 1922 г. Горький был написан очерк «Два купца», содержащий в себе портреты Н. А. Бугрова и С. Т. Морозова. Очерк должен был войти в книгу «Мои университеты» (Берлин, «Книга», 1923), но Горький изъял его во время печатания. В 1924 г. Горький опубликовал первую часть очерка, посвященную Н. А. Бугрову. Вторая часть — о С. Т. Морозове — при жизни автора не публиковалась и впервые была напечатана в «Октябре», 1941, № 6.

³ Николай Васильевич Мешков — пермский пароходчик, оказывавший денежную помощь эсерам (см. статью Горького «О том, как я учился писать», т. 24, с. 495).

⁴ Можно предположить, что Горький имеет в виду Владимира Петровича Наливкина (1852—1918), писателя-публициста, исследователя Средней Азии, депутата II Государственной думы от г. Ташкента.

В 1889 г. Наливкин был назначен чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе, в 1901 г. — помощником военного губернатора Ферганской области. Наливкин большевиком не был. В Думе примыкал к социал-демократам (меньшевикам) (см. о нем: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., изд. 5, т. 15, стр. 547).

⁵ Владимир Александрович Старосельский (ум. 1916), губернатор Грузии в 1905 г. За оппозиционные настроения был разжалован и выслан царским правительством. Умер в эмиграции.

⁶ Вячеслав Александрович Кузусев, князь (1863—1944), студентом в восьмидесятилетие входил в одну из первых в России социал-демократических групп, созданных в Петербурге Д. Н. Благоевым, в девятисотых годах оказывал помощь большевикам, был знаком с В. И. Лениным, А. Д. Цюрупой, Л. Б. Красным и другими деятелями партии.

⁷ Грегер, Горвиц, Коген (у Горького описка) — поставщики русской армии во время турецкой кампании (1877—1878). По поводу дела об их литеддантских поставках см.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 1. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 317, 425.

У Троицы. 4 марта 1926 г.

Дорогой Алексей Максимович! Давно и не раз у меня живая потребность написать вам письмо. И у нас уж весна, — и зимний адрес «вилла Галотти» грозил остаться нереализованным. А я все ждал повода написать — послать мою новую книжку: «Коммуна Мар-Мила»¹, но типография тянет, — проходят дни, недели — и месяцы! Книги нет, пишу, не дождавшись. Стою в раздумье, на перепутье. Агитпроп ВКП(б) предложил мне написать роман «Через сто лет» (утопия!) по материалу, собранному нарочно ради сего несколькими очень почтенными профессорами. Вы, Алексей Максимович, очень уважаете науку, — я же ее побаиваюсь. Самато «наука» — ничего. А уж очень профессора бываю тупые. Вот и думаю, — взять у профессоров материал и написать по нему мечту о том, что будет «через сто лет», выйдет роман ядовитый, сатирический. Если же обмануть профессоров, написав по-своему, то выйдет обман. Обманывать нехорошо, особенно профессоров. А главное не хочется разделить с «профессорами» этот испуг перед действительным и искать утешения в «научной» мечте о каком-то рае². <...>

Снегу в этом году у нас! Поезда идут в траншеях. Через заборы видно все, что делается во дворах. Ожидаем водополюя. А у вас всё уже в цвету. До свиданья.

Сергей Григорьев

Р. С. Однажды был у меня Бабель, самый знаменитый писатель в Москве. Говорили о вас. Он, хоть и гордый человек, но признает (в разговоре) себя вам обязанным. Вот чего мы коснулись, говоря о вас: «Почему ему (писателю) ни разу не сделалось грустно от того, что человек смертен?» Бабель задыхается. У него астма — говорит, что от контузии! Он свою жизнь строит в расчете «на пять лет». Смерть, конечно, тема! Но Лев Толстой мне стал ненавистен своим *погружением* в смерть. Вдова Кожевникова³ года три-четыре тому назад мне говорила, что вы, Алексей Максимович, интересовались литературным наследством Н. Ф. Федорова⁴. Я думаю, что это верно. Если вы ни разу не *улыбнулись смерти* (как писатель), то философский большевизм Федорова в его отношении к смерти⁵ вам ближе, чем испуг перед смертью Льва Толстого. Ну, а все-таки? Помириться со смертью нельзя.

С. Г.

Надеюсь, что письмо это найдет вас, если не в Неаполе, то на Сорренто. Если можно, Алексей Максимович, пришлите мне ваш роман⁶, напечатанный в Берлине, — здесь он идет в клочьях, а туча хороша, когда она накрывает сразу и гремит!

В конце письма запись Горького чернилами: Из письма В. И. Нарбута: «С. Григорьев написал 3 или 4 фант<астических> повести, увидите в „Следопыте“». Спросить⁷.

¹ С. Григорьев. Коммуна Мар-Мила. М., «Круг», 1926.

² Григорьев заключил договор с издательством «Молодая гвардия» на роман «Через сто лет», однако замысел не был осуществлен.

³ В. А. Кожевников — автор религиозно-философских сочинений. Под редакцией В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона была издана книга Н. Ф. Федорова «Философия общего дела» (1907).

⁴ Николай Федорович Федоров (1828—1903). См. Горький — Пришвин, письмо 14, прим. 5, 6 и Горький — Форш, письма 4, 6.

⁵ Философия Н. Ф. Федорова, разумеется, ничего общего с большевизмом не имеет, напротив — враждебна ему. Григорьев хотел в данном случае оттенить своеобразную смелость Федорова в постановке вопроса о смерти. В «Философии общего дела» Федоров выражал уверенность в безграничности развития науки, которая будет в состоянии воскрешать мертвых. Однако этот пафос науки соединяется у него с крайним мистицизмом и христианской экзальтацией. Мистик и консерватор, усвоивший многие идеи славянофилов, Федоров был воинствующим противником революции, которую он называет «отречением от праотческого дела», т. е. от задачи воскрешения праотцов. Идея воскрешения мертвых неотделима в философии Федорова от надежд на самодержавие, которое якобы призвано быть орудием бога в осуществлении долга перед умершими, быть «орудием силы животворящей» (Н. Ф. Федоров. Философия общего дела, т. 1. Верный, 1907, стр. 375).

⁶ М. Горький. Дело Артамоновых. Берлин, «Книга», 1925.

⁷ См. письмо 12.

⟨Неаполь. 15 марта 1926 г.⟩

Дорогой Григорьев — отчество ваше я забыл, простите!

Это у меня — хроническое и, вероятно, возникло потому, что всех русских людей я вижу «без отцов», т⟨о⟩е⟨сть⟩ я хочу сказать, что нигде расстояние между «отцами и детьми» не велико и не глубоко так, как наблюдаешь это у нас.

О том, «что будет через сто лет», я думаю не так, как вы, — если говорить об этом серьезно. Мне кажется, что даже и не через сто лет, а гораздо

скорей жизнь будет несравнимо трагичнее той, коя терзает нас теперь. Она будет трагичней потому, что — как всегда это бывает вслед за катастрофами социальными — люди, уставшие от оскорбительных толчков извне, обязаны и принуждены будут взглянуть в свой внутренний мир, задуматься — еще раз — о цели и смысле бытия. Таковых людей народится неисчислимо более того числа, кое ныне существует на земле. Думается мне, что уже и теперь у людей возникает, зарождается новый инстинкт — «инстинкт познания». Имейте в виду: я говорю не о тревоге разума, свойственной некоторым холоднокровным Шопенгауэрам и Гартманам¹, не об увлекательной игре логикой, а именно об инстинкте. Познание же как сила инстинктивная, *между прочим*, вновь способно превратить телеологию в теологию.

Жили мы — и живем до сего дня инстинктом голода, откуда истекло всё, именуемое цивилизацией, инстинктом любви, создавшим всё, что мы зовем культурой, и вот находимся накануне возникновения третьего инстинкта, который неизбежно должен возникнуть на почве всех наших трагических разочарований. Вообразите, что будет, если десятки и сотни тысяч людей воспылают страстью догадаться не о том, как удобнее жить, а о том — зачем жить. Вот что я думаю. Это *одна* из тем моего романа², над коим сижу.

О смерти? Меня эта тема мало интересует. Между прочим: «погружение» Л<ьва> Н<иколаевича> в смерть, как вы пишете, было в большой степени его кокетством с нею, на мой взгляд. Он пред нею несколько «красовался», как юноша пред женщиной старше его лет на 25. Она знает нечто, что ему тоже необходимо знать, но он боится этого знания, желая его. О смерти он говорил несколько смешно, Л<ев> Н<иколаевич>, изумительный человек.

Я в этом вопросе размышляю да и чувствую ограниченно, по-запо-рожски:

Пока я есть — ее нема,
А як приде — меня чёт ма.

Несколько раз в жизни, волею и неволей, мне пришлось испытать близость смерти, и множество хороших людей умерло на моих глазах. Это заразило меня чувством органической брезгливости к «умиранию», к смерти. Страха же пред нею — никогда не испытывал, мне знакомы лишь два страха: пред безумием и слепотою. Но и то — не очень боюсь: видел — достаточно, а безумие, хотя и жутко, но — любопытно. Кто знает, что спрятано за ним? Психиатрам и невропатологам — не верю.

Науке — исследующей «материю» — верю и люблю ее как поэзию. Именно — так. Для меня современная наука — цепь блестящих, изумительных по дерзости гипотез. Всё великолепно перепутано: биология с геохимией и т. д. Осуществляются мечты алхимиков о философском камне и жизненном эликсире. Ни мало не удивлюсь, если в скорости открыто будет действительное и мощно действующее средство для продолжения жизни, хотя мечту многих о бессмертии — считаю глупой. Вопрос же о продолжении жизни так прочно поставлен учением о внутренней секреции и уже дал такие результаты в практическом применении, что я не сомневаюсь — его скоро решат.

Я — не оптимист, нет. Я никогда не умел жить для своего личного удовольствия, очень устал и для себя желал бы двух-трех лет жизни, чтоб успеть хорошо написать книгу. Но, думая о людях будущего, я улыбаюсь и вспоминаю Тютчева:

Блажен, кто появился в мир
В его минуты роковые!³

Жизнь становится всё интересней, сложней, а я — за сложность и против всяческих «опрощений», хотя бы они сулили счастье всем ближним моим. Тревога — богаче покоя. Жизнь становится всё более виртуозной, а человек подобен виолончели: она не играет, если до нее не дотрагивается смычок артиста.

Вот вам мои мыслишки.

Засим: В. И. Нарбут, заведующий ЗиФом, пишет мне ⁴:

«С. Григорьев написал 3—4 фантастических повести, увидите в „Следопыты“» ⁵. Верно?

А что такое «Следопыты»?

Мне грустно узнать, что Бабель — нездоров. Я его помню красненьким и плотным, мне казалось, что он — надолго. Вы бы посоветовали ему поехать куда-либо на южные моря, это помогает при астме.

Федорова Н. Ф. я видел один раз. Книги его, конечно, читал. Не нравились.

Сейчас прочитал письма Соловьева Вл., изд. «Время» ⁶. Вот нигилист! И — как он сух, какой плоский. Я всегда думал о нем не похвально, а после этих писем нахожу, что вся его «теология», идея соединения церквей, апологетика и т. д. — мастеровое дело, т. е. — бездушное. Но — диалектик превосходный. Шахматист.

Ну, до свидания. Всего доброго.

Спасибо за память, за письмо.

А. Пешков

15.III.26.

Posilippo, villa Galotti — до апреля.

¹ Артур Шопенгауэр (1788—1860), Эдуард Гартман (1842—1906) — немецкие философы-идеалисты.

² «Жизнь Клима Самгина».

³ См. письмо 18 Горького Гладкову, прим. 1.

⁴ Письмо В. И. Нарбута к Горькому не сохранилось.

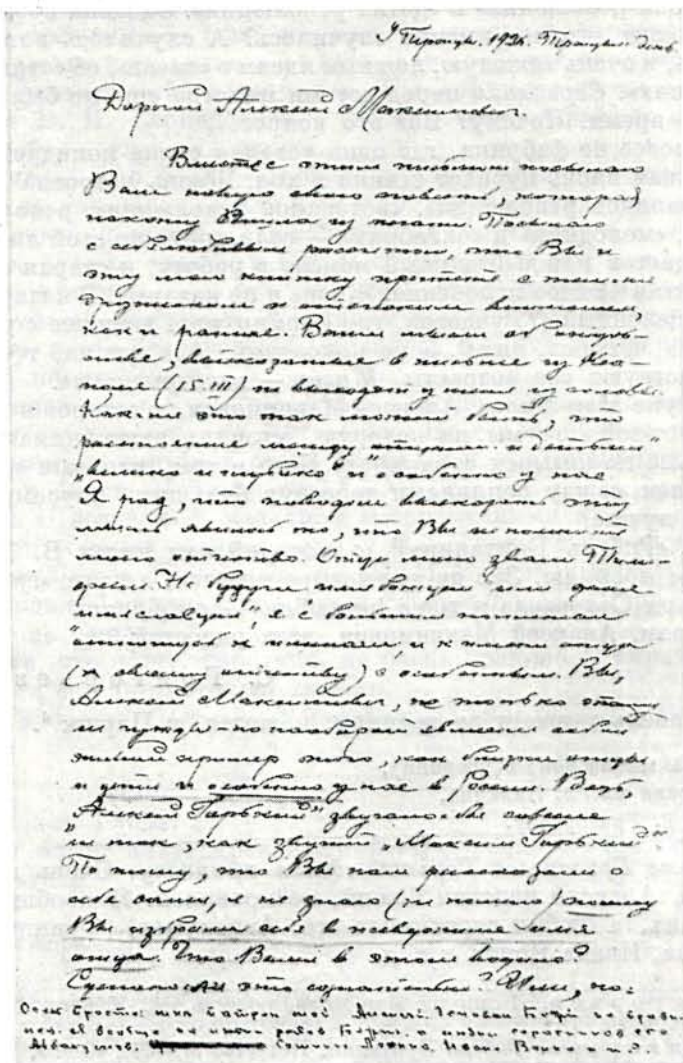
⁵ «Всемирный следопыт» — ежемесячный иллюстрированный журнал путешествий, приключений и научной фантастики (1924—1931). С. Григорьев опубликовал в журнале следующие произведения: «Тройка Ор-Дим-Стах. Радиорассказ будущего» (1925, № 1), «Московские факиры. Научно-фантастическая трилогия» (1926, № 1), «Новая страна. Научно-фантастический рассказ» (1926, № 2), «Гибель Британии. Научно-фантастический рассказ» (1926, № 3).

⁶ Вл. Соловьев. Письма. Под ред. Э. Л. Радлова. Пг., «Время», 1923.

Дорогой Алексей Максимович!

Вместе с этим письмом посылаю вам новую свою повесть ¹, которая наконец вышла из печати. Посылаю с себялюбивым расчетом, что вы и эту мою книжку прочтете с тем же дружеским и отеческим вниманием, как и ранние. Ваши мысли об отцовстве, высказанные в письме из Неаполя (15.III), не выходят у меня из головы. Как же это так может быть, что расстояние между «отцами и детьми» «велико и глубоко» и особенно у нас? Я рад, что поводом высказать эту мысль явилось то, что вы не помните моего отчества. Отца моего звали Тимофеем. Не будучи «имябожцем» или даже «имяславцем», я с большим почтением отношусь к именам и к имени отца (к своему отчеству) с особенным. Вы, Алексей Максимович, не только этому не чужды, — но, наоборот, являетесь собой живой пример того, как близки отцы и дети и особенно у нас в России. Ведь «Алексей Горький» звучало бы совсем не так, как звучит «Максим Горький». По

тому, что вы нам рассказали о себе сами, я не знаю (не помню), почему вы избрали себе в псевдониме имя отца. Что вами в этом водило? Сделано ли это сознательно? ² Или, повинувшись тому инстинкту, который вы в своем письме называете «инстинктом познания», где тембром служит «зачем?!»

ПОМЕТА ГОРЬКОГО НА ПИСЬМЕ С. Т. ГРИГОРЬЕВА, 1926 г.

Архив Горького, Москва

Конечно, здесь оказали свою силу те смутные еще (в познавательном смысле) идеи, которые бродили в ясном уме Сократа и его учеников и нашли властный голос в размышлениях об «отце» и «сыне» у Иоанна. Сам я считаю противопоставление «отцов и детей» совершенно ложным. От близости — отталкивание, но это отталкивание не создает пропасти. Всякое отталкивание слабеет, по закону Ньютона, пропорционально квадрату «расстояния». Это субъективно. А «объективно» в природе ведь нет этого противопоставления: в каждый данный момент (понимая момент в истинном его смысле) во всех явлениях природы наблюдается сложное

перекрытии. Поэтому ложной является, с моей точки зрения, и идея «смены поколений». В хитросплетенной ткани природы нет места «смене», — вернее, она неуловимо разостлана во времени. Мне непонятно, что мысль (формулировка) Тургенева «отцы и дети» может еще владеть умами. Теперь вот особенно остро и четко в сумятице идейных построений выступает тема об «отцах революции» и «детях революции». Забавна позиция отцов, не понимающих, что же именно случилось? А случилось вот что. Отцы платят дань, и очень тяжелую, ложным идеям о «смене», об «отцах и детях», о «поколениях». *Сервиллизм* перед детьми никогда еще не был так силен, как в наше время. Почему? Вот это вопрос!

Жизнь вовсе не фабрика, где одна усталая смена покидает постылый труд, а свежая вновь пускает станки в ход. Жизнь устроена лучше. Мы видим «инвалидов революции», «ветеранов революции», революционеров в цвете сил, «молодняк» и «октябрат» — если пойти по этой линии. Новая смена вступает в каждый данный момент в работу, и старая смена отходит от работы в каждое мгновение. Жизнь и не казарма. В казарму втиснут лишь определенный <?> участок, где формируется внешнее сознание *возрастов* (трех, четырех, пяти), а не поколений. А в жизни, т<о> е<сть> в работе, участвуют все возрасты. *Жизнь — непрерывность*.

В «Коммуне Мар-Мила», Алексей Максимович, я осторожно попытался коснуться вот той же темы, на которую, утомляя ваше внимание, растекся и в письме на четыре страницах. Беда в том, что наш «разговор» с вами разделен между репликами чересчур большими паузами. А может быть, так и лучше?

Книжку «Гибель Британии»³, о которой вам писал В. И. Нарбут, я также вам посылаю. Это не три-четыре повести, а всего одна.

Владимира Соловьева я тоже не люблю — он *франт*.

Желаю вам, Алексей Максимович, всех радостей.

С. Григорьев

Р. С. Бабель уезжает за границу, кажется, в Париж⁴.

г. Сергиев, Моск<овской> г<убернии>,

Московская ул., д. Палкина,

С. Т. Григорьеву.

На письме Григорьева Горький сделал приписку: Очень просто: мне патрон мой, Алексей человек божий, не нравился. Я вообще не любил рабов божьих, а любил соратников его, Аввакумов, [Францисков], сотника Логина, Ивана Воина и т. д.

¹ С. Григорьев. Коммуна Мар-Мила, повесть. М., «Круг», 1926.

² См. письмо 14.

³ С. Григорьев. Гибель Британии. Повесть. М.—Л., «ЗиФ», 1926.

⁴ См. Горький — Бабель, письмо 2.

Дорогой Сергей Тимофеевич,

я думаю, что в суждениях об отцах-детях надобно восходить не к Тургеневу, даже не к царю Давиду и детищу его Авессалому, а — к Аврааму-Исааку. Лично я никогда не встречал отца, который не пытался бы — более или менее упрямо — принести сына своего в жертву верованиям своим. И я нахожу, что критическое отношение детей к вере отцов совершенно закономерно, биологически оправдано даже и тогда, когда отец — Петр

Первый. Вот как еретически выходит у меня, и это потому, что не могу я отрицать за человеком его права сопротивляться владычным велениям вчерашнего дня.

Имя Максим взято мною потому, вероятно, что мне очень не нравилось «житие» патрона моего Алексея человека божия. Думаю, что мог бы взять имя Аввакума или Логина ¹.

Сегодня получил обе ваши книжки ² и тотчас же прочитал. «Гибель Британии» весьма понравилась и удивила меня густотою ее насыщенности, ее русской фантастикой, остроумием. Пожалел, что вы не использовали «Геохимию» В. И. Вернадского ³, его гипотеза открывает широчайший простор воображению художника.

«Мар-Мила» — по форме — показалась мне возвращением к «Вассе», от которой вы так далеко ушли в «Казарме». А по содержанию вещь эта несколько ошеломила меня. Ни секунды не сомневаясь в ее художественной правде, будучи знаком с бытом современной молодежи — конечно, по газетам, письмам, — я все-таки несколько подавлен устойчивостью знакомого мне «романтизма», в котором всегда я наблюдал нечто слепое и отчаянное, нечто безрадостное. Казалось бы, что этому пора истлеть, а, видимо, не истлевет?

«Мар-Мила» — хорошая повесть, хорошо сделана. Впрочем, — вы в комплиментах, поди-ко, не нуждаетесь. Но все же скажу: вам, видимо, суждено написать какую-то очень большую и оригинальную книгу. Может — это и будет «Порт-Артур»? ⁴

В книге «Писатели» ⁵, изданной «Современными проблемами», видел ваш портрет, — какое славное лицо у вас. Очень любовался. Серьезно. Редко русское лицо. Не знакомы ли вы с М. Булгаковым? ⁶ Что он делает? «Белая гвардия» ⁷ не вышла в продажу? Хороши у вас «Дядя Здравствуй», Мила и m-me Смильго ⁸.

Простите, что пишу, вероятно, не очень толково, — схватил бронхит, а это у меня всегда протекает тяжело.

Будьте здоровы, С(ергей) Т(имофеевич), крепко жму руку

А. Пешков

Что делает Глоба? ⁹

Был бы очень благодарен, если б вы изредка сообщали о том, как живут писатели ¹⁰.

А. П.

8.VII.26. Sorrento.

¹ В «Жития Алексея — человека божия» Горькому был чужд пафос аскетизма и смирения. Наоборот, «Житие протопопа Аввакума» пленяло Горького как «непревзойденный образец пламенной и страстной речи бойца» («О языке», т. 27, с. 166). «Жития» сотника Логина и Ивана Воина (см., например, «Жития всех святых». М., 1916), вероятно, привлекали Горького бунтарским духом своих героев.

² «Гибель Британии» и «Коммуна Мар-Мила».

³ Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) — академик, выдающийся советский ученый, естествоиспытатель, минералог и кристаллограф, основоположник геохимии и биогеохимии. Имеется в виду его книга «La géochimie». Paris, 1924. См. Горький — Пришвин, письмо 15, прим. 4.

⁴ О «Порт-Артуре» см. Горький — Григорьев, письмо 15.

⁵ «Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков», под ред. Вл. Лидина. М., «Современные проблемы», 1926.

⁶ Михаил Афанасьевич Булгаков (1891—1940) — писатель и драматург.

⁷ Роман Булгакова «Белая гвардия» был напечатан в «России», 1925, №№ 4—5; отдельным изданием не выходил.

⁸ «Дядя Здравствуй», Мила и m-me Смильго — персонажи повести «Коммуна Мар-Мила».

⁹ Андрей Павлович Глоба (р. 1888) — поэт и драматург.

¹⁰ Ответ Григорьева на это письмо Горького не сохранился.

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

г. Загорск. 19 мая 1932 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Плохо спряденная ниточка нашего знакомства (заочного), казалось мне, оборвалась безнадежно.

Но вот с помощью Михаила Михайловича ¹ (это его тема — восстановление родства) концы ниточки сошлись. Мне самому хочется связать их узелком: узелок бывает у нас, русских, прочнее самой нитки.

Письмо М<ихаила> М<ихайловича> к вам обо мне вышло из моего разговора с ним. Я малодушно пожаловался ему на свою суровую литературную судьбу, что вот — все иду околицей, тропочками...

М<ихаил> М<ихайлович> взялся мне помочь и написал вам, Алексей Максимович.

Вещь, о которой теперь идет речь, в целом едва ли выполнима — потому что сроки мои стали коротки (рабочие сроки). Задуманная мною поэма — о судьбах в революции русской технической интеллигенции. Только фрагменты — инженеры в литературе (раньше).

Гарин-Михайловский сам себя не видел в целом ², так, как мы его видим теперь в отдалении. А что, кроме Гарина? Инженер Матиец Сергеева-Ценского? ³ Кажется, и всё.

Начало моей поэмы благодаря отваге Д. М. Ханина ⁴ мне удалось протащить (с большим уроном) контрабандой через отдел детской литературы ГИЗа в 1930 году (три тома под общим заглавием «Революция на рельсах») ⁵. Теперь я должен бы написать еще 4 романа:

1) от воцарения Н<иколая> II, промышленное государство, Дальний Восток, Витте, японская война — до революции 1903—1906 гг. включительно; 2) ликвидация поместного дворянства — 1906—1913; 3) война, 1917 год, до октября — определеннее: постройка Мурманской дороги в условиях войны и революции; 4) 1917—1923. Поэма кончается гудками паровозов — воят над гробом Ленина.

Из семи частей моей поэмы (считая и три напечатанных) я считаю главной пятую. Когда-то я хотел ее озаглавить «Порт-Артур» — это имя, данное рабочими Нарвского района огромному дому для комнатных жильцов, построенному чудаковатым инженером-подрядчиком за Обводным каналом. Место действия — Петербург. Тема — конец дворянства, краткая вспышка промышленного грюндерства на основе мобилизованных средств — внезапно помолодевший Петербург, последняя отчаянная попытка династии опереться на мужика — ход революции, предчувствия войны.

Вот этот роман я и хотел бы сделать теперь. Называю я его «Золотой песок». Размер — 20 (около) печатных листов. Времени для работы мне нужно 14 месяцев, считая от того дня, когда я получу возможность сесть за работу.

Очень соблазняет меня фигура Леонида Красина — место ему у меня заготовлено вместе с Гариним-Михайловским там, где речь идет о постройке Сибирской дороги (это 4-я часть поэмы).

Надеюсь, что я даю вам, Алексей Максимович, довольно полное понятие о моем замысле. Если вы сочтете его достойным реализации, — помогите осуществить в части — роман «Золотой песок». Роман будет сюжетно отделен, ни в какой мере не продолжение и со своим концом, а не с «продолжение следует».

Примите мой привет.

С. Григорьев

г. Загорск, Моск<овской> обл<асти>,
Красная, 20.

¹ М. М. Пришвин послал письмо Горькому от 4 мая 1932 г., в котором напомнил ему о Григорьеве (АГ).

² Имеется в виду автобиографическая повесть Н. Г. Гарина-Михайловского «Инженеры».

³ Инженер Матийцев (у Григорьева описка) — персонаж повестей С. Н. Сергеева-Ценского «Наклонная Елена» и «Суд». Впоследствии автор объединил повести в один роман под общим заголовком «Преображение человека» и включил его в эпопею «Преображение России».

⁴ Давид Маркович *Ханын* (1903—1937), в то время заведовал отделом детской и юношеской литературы Госиздата.

⁵ С. Г р и г о р ь е в. Революция на рельсах, роман в трех томах: т. I. «Трудная земля», т. II. «Дальний путь», т. III. «Сладкий дым». М.—Л., Госиздат, 1930.

ГОРЬКИЙ — ГРИГОРЬЕВУ

Москва. <12 июня 1932 г.>

С. Г р и г о р ь е в у

Запоздал ответить вам, уважаемый сотоварищ, потому что хотелось сказать что-нибудь определенное; теперь я как будто могу сказать нечто.

А. Б. Халатов¹, начиная свою работу в транспорте, решил привлечь писателей к пропаганде значения дорог — путей, по коим распространяется культура, создаются связи людей и т. д. Не соприкасается ли ваша поэма — в той части ее, которая передана вами ГИЗу², — с идеей Халатова? Вы сообщаете, что вам пришлось сократить ее, а — не можете ли вы дать рукопись полностью? Тогда — пошлите ее мне, Малая Никитская, 6. Не согласитесь ли повидаться с Халатовым и сообщить ему план дальнейшей работы вашей? 13-го я буду в Москве и мог бы устроить вам свидание, да и сам с великим удовольствием встретился бы с вами.

Далее. Пересматривается литература для детей, предполагается переиздать некоторые старые книги: Рони, Иенсена³, сказки Андерсена, Пушкина и т. д. Сюда входит ваша книжка «С мешком за хлебом»⁴; мне думается, вам нужно бы ее просмотреть для нового издания.

Нет ли у вас еще чего-либо для детей?

Не хотите ли написать что-либо?

Очень нужны книжки о животных, по вопросам звероводства, скотоводства и просто «забавные» книжки. Нужно ознакомить ребят с историей и бытом нацменьшинств, с историей первобытной культуры и книжки такого типа, как «Рассказ о великом плане» Ильина⁵, «Большевики завоевали Сибирь» Белобородова⁶. Вообще — нужна толковая, хорошая литература.

Надеюсь, вы получили паек? Он выписан вам.

Итак — до 13-го? Позвоните Петру Петровичу Крючкову, чтоб он указал вам точное время и вам не пришлось бы ждать.

Будьте здоровы.

А. П е ш к о в

12.VI.32.

¹ Артемий Багратович *Халатов* (1896—1938), в 1927—1932 гг. — заведующий Госиздатом. С 1932 г. как член Коллегии НКПС руководил подготовкой кадров железнодорожного транспорта.

² См. письмо 15, прим. 5.

³ Горький имеет в виду книги французских писателей: Рони (псевдоним братьев Боз Жозефа, 1856—1940, и Боз Жюстена, 1859—1948) — «Борьба за огонь» и «Вамирах, человек каменного века» и датского писателя Йоганнеса Вильгельма Иенсена (1873—1950) — «Ледник».

⁴ Описка Горького. Имеется в виду повесть Григорьева «С мешком за смертью».

⁵ М. И л ь и н. Рассказ о великом плане. М.—Л., Госиздат, 1930.

⁶ С. К. Б е л о б о р о д о в. Большевики открыли Сибирь. М.—Л., «Молодая гвардия», 1932.

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

г. Загорск, 18 июня 1932 г.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

письмо ваше (помеченное 12-м числом июня) я получил 15 июня (почта у нас неисправна) и потому я не мог быть в Москве 13-го, — день вами назначенный. 16 июня я был на Никитской, 6 и виделся с П. П. Крючковым. По счастливой случайности тут же я встретился и с А. Б. Халатовым, — он обещал написать мне в ближайшие дни, возможно ли будет пристроить мою «поэму» в новом издательстве НКПС. Относительно первых трех томов («Революция на рельсах») я неточно вами понят: книги эти и писаны были с установкой на «старший возраст» детских читателей, но все-таки «вышли из габарита» и напечатаны как бы для «взрослых», после некоторых сокращений и изменений. Иной редакции этих трех романов у меня нет, но раз дело идет о переиздании, то в небольшой срок я могу (и надо это сделать) переработать эти книги. Их я вам посылаю одновременно с этим письмом.

С большой радостью я узнал из вашего, Алексей Максимович, письма, что книга моя «С мешком за смертью» будет переиздана и в таком великолепном букете книг! Но где? Кем? Когда? Конечно, ее следует пересмотреть для нового издания. Мальчишки эту книгу полюбили, а в библиотеках она везде износилась. Мне хочется еще переиздать мою книгу «Берко-кантонист»* — она достигла тиража в 150 000 — и ее тоже нет в продаже. Книга эта всеми без оговорок была признана полезной.

Надо ли говорить, что я с большой охотой напишу новую книгу для детей. Если я последние годы (3 года уже!) не пишу для детей, то не по своей воле, а потому, что мне уста запечатали.

Я мог бы написать «занятную» книжку (повесть) для детей о том, как вырастают они вместе со взрослыми около какого-либо (или не около, а «в») большом деле (Магнитогорск, Кузнецк, Днепрострой). Готового для детей сейчас у меня ничего нет. Глупое руководство детской литературой всех нас заторвало, задержало и сбilo с толку: писать было невозможно.

Вы пишете, Алексей Максимович, что с великим удовольствием встретились бы со мной. Я много раз думал о том, что надо повидаться с вами во все ваши былые приезды — и если не добивался встречи, то лишь потому, что перед вами, утомительно мелькая, проходят тысячи людей. «Не следует отягчать такую нагрузку своей персоной», думал я. Ино хотелось и пожаловаться вам, если не лично, то письменно, — и эта мысль оставлялась, — потому что я твердо знал, что перемены к нам, политически зрелым людям, будут, и я еще получу возможность доработать себя. Так оно и случилось². Теперь я радуюсь возможности видеть вас и говорить с вами. И тема деловая есть: книги для детей — я вижу, что это вас сейчас очень занимает. Хорошо бы послушать ближе к делу, как, вы думаете, нам следует работать. Беда одна — почта здесь (70 км от Москвы) приходит на 2—3 день. Когда захотите видеть меня, лучше пошлите «молнию!» <...>

Примите мой сердечный привет.

С. Григорьев

г. Загорск, Моск<овской> обл<асти>),

Красная, 20,

Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

¹ Повесть «Берко-кантонист» переиздавалась неоднократно. Изд. 1. М.—Л., Госиздат, 1927; изд. 2. М.—Л., Госиздат, 1929.

² Имеется в виду постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

ГРИГОРЬЕВ — ГОРЬКОМУ

У Троицы. 17 мая 1933 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Ваше возвращение из «прекрасного далека»¹ меня очень радует, как радовало и раньше и в прошлом году — позволяю себе высказать вам эту радость. Особенно радостен ваш прилет в нынешнюю непохожую на весны весну. Хорошо, что вы примахали к нам весенним журавлем! Когда о журавле,— вспоминается *синица*. Синицу-то, благодаря вам, Алексей Максимович, я держу в руках. Вы, надеюсь, не забыли, что год тому назад я не утерпел, пожаловался вам на личные мои неудачи, близко связанные с делами детскими, литературными. Вы, конечно, следите за движением детской литературы и знаете, что за последний год мы, наконец, преодолели (если это не отзвук моего личного настроения) буксование на месте и заметно двинулись вперед. Прошлый год подарил нам, среди других, по-моему весьма занятную и свежую книгу «Кара-Бугаз» Паустовского² — и значит (что важнее!) нового автора — нашего полку прибыло! Знаете, как в газовой шахте приятно попасть в «свежую струю» — так и я, благодаря вам, Алексей Максимович, попал в такую струю. За год вышли две старых моих книжки «Мальчий бунт» (4-е изд.) и «Берко-кантонист» (5-е изд.). Кроме того, по новому договору с «Молодой гвардией» я пишу роман для детей «Листок счастья»³. Давно я уже не писал с такой легкой *натугой*. И все время дивлюсь: в чем же дело? Пишем мы за нищенские гонорары, близкие к тем, что платил когда-то Семен Иванович Костерин⁴ в «Самарской газете», живем, каждый вечер читая «Отче наш», и все-таки легко? Казенная словесность мне не объясняет этой загадки. Литераторы еще не сказали — почему. Для меня непонятно, что двигает нами. В частности, о себе скажу: возможно, мне работается легко потому, что я снова попал в дружескую обстановку. Вера Натановна Лядова⁵ обладает искусством, не частым у редакторов, вести работу «на легких вожжах». Думаю, что мне, старому жеребцу, это полезно. Знаю, что *надо* пахать и пашу (полагаю, что не хуже трактора?). Так ли это вообще, — не знаю.

«Листок счастья», как вы можете догадаться, Алексей Максимович, имеет целью загадать загадку, но не решить ее. *Решено* дело? Пусть так!

Что до наших бед — главная: нет бумаги. Почему нет? Что за нелепость! Как же литература — без бумаги? Вот это письмо написано на хорошей бумаге. Откуда она? Да недавно откопали здесь, у Троицы, случайно, бумажный клад, оставленный бывшим торговцем в давно брошенном им доме. И мне «по благу» досталась пачка. А вот уж конверта, чтобы облечь это письмо, не взыщите, я найти не мог. До того дошло, что пишем палимпсесты: на обороте старых рукописей, а потом и с лица поперек машинного текста. А. Б. Халатов⁶, которому вы замолвили обо мне словечко в прошлом году, высказал «Молодой гвардии» пожелание, чтобы была переиздана моя «Революция на рельсах». Но, оказывается, это «немыслимо» — бумаги нет — и что хуже, — говорят и не будет. Что же это такое?

А ведь всего двенадцать лет тому назад т. Преображенский⁷ передал Ленину мою брошюру «Книга-лист»⁸, и тот сказал, что это мысль хорошая, — потом отсюда и явилась «Роман-газета». А ведь всего десять лет Ив(ан) Ив(анович) Острый⁹ в № 1 журнала «Изобретатель» говорил, что надо печатать не дензнаки, а «живые деньги» с биографиями великих людей. Но и денег — увы! у наших издателей нет! Ну, бумаги «не будет».

А деньги будут? Нет? Тогда и книг не будет. А книги — «живые деньги». Вот вам и детская литература.

Простите, Алексей Максимович, что я разболтался на радостях. Еще раз позвольте сказать, что я рад прилету Журавля!*

Примите мой привет.

С. Григорьев

г. Загорск, Моск(овской) обл(асти),
Красная, 20,
Сергею Тимофеевичу Григорьеву.

¹ 17 мая 1933 г. Горький возвратился из Италии в СССР.

² К. Паустовский. Кара-Бугаз, повесть. М., «Молодая гвардия», 1932.

³ С. Григорьев. Листок счастья. Роман опубликован в сокращенном виде в журнале «Пионер», 1933, №№ 13—23.

⁴ Семен Иванович Костерин — издатель «Самарской газеты» в девяностых годах.

⁵ Вера Натановна Лядова (р. 1900) в тридцатых годах заведовала сектором детской литературы издательства «Молодая гвардия».

⁶ См. письмо 16, прим. 1.

⁷ Евгений Алексеевич Преображенский — экономист, троцкист.

⁸ С. Григорьев. Книга-лист, очерк. Опубликовано как приложение к журналу «Кооперативная жизнь». Саратов, 1918.

⁹ В рассказе «Изобретатель живых денег» М. М. Пришвин рассказал об идее И. И. Острога печатать на денежных знаках биографии русских классиков, художников, композиторов и т. д. (см. журнал «Изобретатель», орган УБРИЗ ВСНХ СССР, 1929, январь, № 1, стр. 23—29).

* Тут получился дурной каламбур с Буревестником. Ну, уж по старой памяти простите — не вменяйте в грех!